

Трансисторизм — поэтика несовременных сообществ

От составителей

DOI: 10.53953/08696365_2022_174_2_15

Гуманитарные науки, как правило, имеют дело с текстами и явлениями, которые несовременны их читателям, но — несмотря на это, а может быть, в силу этого — интересны и нужны им. Трансисторическое мышление — это разом и теоретический парадокс, разрешение которого требует от исследователя нового угла зрения, и практический вызов, отвечая на который каждый претворяет массив сохраненных прошлым текстов в частный смысл человеческой жизни.

Преодолевая культурную, временную и политico-социальную удаленность, отбрасывая лишнее и по-новому комбинируя собственные находки, субъект гуманитарного знания не только опирается на некую безоговорочно воспринятую унитарную традицию (в духе Х.-Г. Гадамера) или расхожие практики потребления текстов (ракурс социологии литературы), но и выстраивает — с опорой на множественные ресурсы, каноны и ориентиры — ситуативные трансисторические сообщества, которые позволяют включить в пространство личного опыта давнее и недавнее прошлое, проекты будущего и реалии настоящего, образы и понятия коллективной и приватной жизни.

Трансисторическое сообщество — это не коллектив современников, объединенных «местами памяти» (П. Нора), а результат индивидуальной творческой работы читателей, которые действуют выборочно и даже эклектично. Однако, как показывают в своих статьях Джеймс Кер и Евгения Ганберг, эта работа может быть направлена либо подсказана теми или иными авторскими стратегиями. Таким образом, формы синхронизации человеческого опыта можно рассматривать как вид планирования будущего — не одного из «прошедших будущих» (Р. Козелек), но предсказанного будущего, которое становится настоящим в процессе чтения.

В отличие от исследователей исторической памяти, авторы, чьи работы включены в настоящий блок, ставят вопрос о связи между «живыми и мертвыми» не с точки зрения форм воспоминания о прошлом, а с точки зрения со-зидания окказионального, инклузивного настоящего. Трансисторизм, конечно, остается при этом явлением, обладающим историко-культурной спецификой. Так, в статье Дмитрия Калугина речь идет о тех понятийных ресурсах, в большинстве восходящих к Античности, которые делали возможным трансисторический контакт в нововременную эпоху.

Преимущественное внимание авторов блока к литературе не просто дань филологической традиции. В духе новой исторической поэтики [Kalugin 2015; Kliger, Maslov 2015; Merrill 2017], опирающейся на опыт интерпретации литературных текстов в тесной взаимосвязи с бытовым поведением (от «Поэзии чувства и сердечного воображения» Веселовского до «Декабриста в повседневной жизни» Лотмана), литература трактуется нами как совокупность символьических форм, обеспечивающих синхронизацию прошлого и настоящего. Как показано в статье Бориса Маслова, уже в Античности отношения между авторами и читателями могли трактоваться с точки зрения анализа свойств, имманентных литературному тексту.

В статье, перевод которой открывает блок, **Карло Гинзбург** прослеживает нить, ведущую от Фукидида к Аристотелю и Квинтилиану, а далее к Лоренцо Валла и современной науке о прошлом. В данном случае сама задача реконструкции прошлого на основании конкретных свидетельств (*tekstēria*) оказывается задачей построения трансисторического сообщества. **Джеймс Кер** ставит проблему «сообществ» писателей и читателей на материале римской литературы, где хронотоп ночного сочинительства — дальний отзыв которого слышится во вступлении к «Медному всаднику» Пушкина — задавал модель перехода из зоны обыденной, деловой жизни в настоящем в пространство «большого времени» (М. Бахтин).

Опираясь на работы Гинзбурга и Кера, **Борис Маслов** показывает, что филология как форма знания, сосредоточенная на литературе, укоренена в античном, непривычно широком представлении о «приверженности словам» как о совокупности ученых познаний — преимущественно о прошлом и полученных прежде всего из древних текстов. **Евгения Ганберг** показывает, каким образом трансисторическое сообщество писателей и читателей могло функционировать в Средневековье на примере английских текстов о Троянской войне. Подобно единству хронотопа в случае римских «ночных бдений», единство вымыщенного мира позволяет при помощи специальных приемов синхронизации сконструировать коллектив энтузиастов — равноправных и непохожих, но равно заинтересованных в троянской истории. В завершающей блок статье о топике трансисторизма **Дмитрий Калугин** рассматривает целый ряд античных и модерных представлений и образов, позволяющих помыслить сосуществование людей, живших в разное время. Поиск союзников, друзей и образцов в других эпохах принимает разные историко-культурные формы и нередко продиктован нуждами настоящего — всегда неполного, часто неудовлетворительного, иногда неприемлемого.

Борис Маслов, Дмитрий Калугин

Библиография / References

[Kalugin 2015] — Kalugin D. Soviet Theories of Biography and the Aesthetics of Personality // Biography. 2015. Vol. 38. № 3. P. 343—362.

[Kliger, Maslov 2015] — Kliger I., Maslov B. Persistent Forms: Explorations in Historical Poetics. New York: Fordham University Press, 2015.

[Merrill 2017] — Merrill J. Historical Poetics and Poetic Language: Rethinking the Concept of Autonomy for Modern Literary Theory // Poetics Today. 2017. № 38 (3). P. 519—548.